

Арина Полякова

**КАК
УКРАСТЬ
КОРОЛЯ**

**ИСТОРИЯ
УОЛЛИС
СИМПСОН**

Арина Александровна Полякова

Как украсть короля?

История Уоллис Симпсон

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40085266

*Как украсть короля? История Уоллис Симпсон: Издательство Ольги Морозовой; Москва; 2018
ISBN 978-5-98695-085-3*

Аннотация

Это увлекательная история знаменитой американки Уоллис Симпсон (1896–1986), впоследствии ставшей герцогиней Виндзорской и женой бывшего английского короля Эдуарда VIII (1894–1972), отрекшегося от престола в 1936 году. Он пожертвовал всем ради любви к этой женщине: репутацией, властью, короной, статусом и возможностями. Но было ли это сделано им добровольно, или под давлением правящей элиты? Интриги, связи с нацистами, красивая жизнь, тайные романы и скандальное убийство миллионера Гарри Оакса – лишь малая доля того, о чём пойдёт речь в этой книге. Арина Полякова – российский историк, писатель, кандидат исторических наук, член Российского союза писателей. Автор нескольких книг по истории британской монархии, в том числе биографии короля Эдуарда VIII “Прошлое без будущего”.

Содержание

1.	9
2. Маленькая Бесси	26
3. Школа юных невест	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Арина Полякова

Как украсть короля?

История Уоллис Симпсон

© Издательство Ольги Морозовой, 2018

© А. А.Полякова, 2018

© Д. Черногаев, оформление, макет, 2018

* * *

“...Всякая женщина, которую любили так, как любили меня, и которая так же любила в ответ, смогла прожить свою жизнь в полной мере...”
Уоллис Уорфилд, герцогиня Виндзорская
1956 год

Дорогой читатель!

На страницах этой книги вас ждет увлекательная история Уоллис Симпсон, впоследствии ставшей герцогиней Виндзорской и женой бывшего английского короля, отрекшегося от трона ради брака с ней. В 1936 году Уоллис фактически украла у Британии ее законного монарха. Эдуард VIII пожертвовал всем ради любви к этой женщине: своей репутацией, властью, короной, статусом и возможностями. Он предпочел изгнание и забвение, лишь бы только быть рядом с любимой.

Биография Уоллис и поныне будоражит умы историков и дилетантов от истории. Многие подробности ее прошлого все еще находятся под грифом “Совершенно секретно” и тщательнейшим образом охраняются британской службой безопасности, так как это затрагивает интересы правящей королевской семьи.

А что же в ней такого особенного, спросите вы, – пожалуй, ничего, за исключением того, что она, не обладая ни привлекательной внешностью, ни высшим образованием, ни огромным состоянием или связями, тем не менее была любовницей многих влиятельных людей первой половины XX столетия. Одна из таких ее связей оставила черный след на репутации британской королевской семьи, чего династия Виндзоров стыдится до сих пор, – это роман Уоллис с министром иностранных дел Третьего рейха Иоахимом фон Риббентропом.

Уоллис, отдавая себе отчет во всех своих достоинствах и недостатках, знала себе цену. Не отличаясь красотой, приятным характером или остротой ума, она сумела поставить себя так, что стала одной из самых обсуждаемых и изысканных женщин британского высшего общества первой половины XX века – случай почти невероятный, поскольку она была американкой.

Когда Уоллис познакомилась с будущим королем Великобритании, она была замужем во второй раз – за успешным предпринимателем Эрнестом Симпсоном. Эдуарда привлекало в ней многое: свобода мышления, которую он сам не мог иметь, независимый взгляд на политические процессы, уникальная осведомленность о происходящем в стране, изысканность в одежде, элегантность, пластичность, грация, безупречный вкус в мелочах и даже специально выработанный британский акцент. Но одной из главных особенностей Уоллис было поведение с мужчинами в постели, раскованность и вольный взгляд на эксперименты, что давало ей несомненные преимущества в чопорном и традиционном британском обществе.

Все это было результатом ее упорной работы над собой.

Еще будучи в первом браке, Уоллис последовала за своим мужем-летчиком Уинфильдом Спенсером в Китай, где он служил на протяжении длительного времени, и там, в самых дорогих китайских борделях, ей представилась возможность овладеть различными техниками искусства любви, которы-

ми она, думается, пользовалась всю оставшуюся жизнь.

Что же касается Германии, то отношения Уоллис с нацистской элитой зашли столь далеко, что не только она, но и ее третий супруг – герцог Виндзорский, бывший король Эдуард VIII, – на протяжении почти десяти с лишним лет оказались втянутыми в самые сомнительные истории и политические интриги. К примеру, их обвиняли и в причастности к убийству известного американского миллионера Гарри Оакса во время губернаторства Эдуарда на Багамских островах.

Все вышеперечисленное – лишь малая доля того, о чем пойдет речь в этой книге, в которой я, насколько это возможно, объективно поведаю вам об увлекательных тайнах и темных сторонах жизни этой женщины.

Героиню этой книги можно любить или ненавидеть – выбирать вам, но безразлично относиться к судьбе Уоллис Уорфильд, Симпсон, а впоследствии герцогини Виндзорской невозможно...

Ваша, А.

1.

Монтекки и... Уорфильды

Чтобы понять всю глубину противоречий характера Уоллис, следует обратиться к истории ее семьи, разобраться, как и кто ее воспитывал, и тогда очень многое становится понятным. В каждой новой главе книги вы столкнетесь с нелогичностью действий нашей героини и невероятным выбором, который она всегда делала. Логика ее поступков начинает раскрываться по мере знакомства с историей героини с самого раннего детства.

Вероятно, название главы сразу же вызвало у вас ассоциации, связанные с бессмертным произведением Уильяма Шекспира, которое давно стало классикой любовных романов и примером самой отчаянной истории любви – любви Ромео и Джульетты. Интересно, что эта аналогия была проведена самой Уоллис в ее мемуарах. Как и в шекспировском творении, ее история начинается с того, что двое молодых людей полюбили друг друга, но их семьи были против их союза. По иронии судьбы имена этих семей – *Монтекки* и, нет, не Капулетти, а *Уорфильды*, которые были одними из самых известных и влиятельных кланов США конца XIX века.

Семейство Уорфильдов из штата Мэриленд, корни которого следует искать во Франции X–XI веков, было весьма

процветающим и независимым. Мужчины в роду славились безукоризненным стилем почти во всех сферах жизни и железной хваткой при ведении бизнеса. Многие из них на протяжении нескольких поколений были крупными финансовыми магнатами и владельцами банков. Дедушка Уоллис, Генри Мактир Уорфильд, занимал пост директора одной из железнодорожных компаний, имевшей бизнес не только в Балтиморе¹, но и в штате Огайо.

Несмотря на то, что он умер за одиннадцать лет² до рождения Уоллис, память о нем бережно хранилась и передавалась из уст в уста еще очень много лет. Он был не только успешным бизнесменом, но и человеком стойких политических убеждений, а имя его произносилось чуть ли не с трепетом – Генри Мактир Уорфильд (1825–1885). Известен он был тем, что не отступился от своих политических взглядов, даже когда был посажен в тюрьму по обвинению в шовинизме во время Гражданской войны в США (1861–1865).

В целом этот клан вел очень закрытый, пуританский образ жизни, девизом которого было *“Никогда не забывай о том, что ты Уорфильд”*.

Забегая несколько вперед, стоит отметить, что в начале отношений Уоллис с наследником британской короны часто пеняли на безродность Уоллис, ее американское происхождение и сомнительное прошлое. Но никто не учитывал того

---

¹ Балтимор – город на востоке США, штат Мэриленд.

² 17 января 1885 года.

факта, что у нее были благородные предки дворянского происхождения, а количество королей, графов, герцогов, лордов и аристократов в ее роду было чуть ли не больше, чем у одной из главных противниц Уоллис в будущем – Елизаветы Боуз-Лайон³, впоследствии более известной как королева-мать Елизавета. Так же как и у будущего короля Эдуарда VIII, среди прочих именитых предков Уоллис были Вильгельм I Завоеватель (1028–1087) и Пэган де Уорфильд, воювавший вместе с Вильгельмом против англосаксов во время нормандского (французского) завоевания Англии в знаменитой битве при Гастингсе в 1066 году. В честь победы и в благодарность за отвагу Вильгельм даровал Пэгану Уорфильду земли рядом с Виндзорским замком, который был построен как раз при короле Вильгельме I. Поэтому неудивительно, что одна из парковых аллей замка называется Аллеей Уорфильда.

Впоследствии фамилия Уорфильдов еще не раз возникала в истории Британии, чем их далекие потомки несказанно гордились.

Другому предку Уоллис во времена правления короля Эдуарда III (1312–1377) был дарован титул первых рыцарей Благороднейшего Ордена Подвязки⁴ – старейшего и наивыс-

---

³ Елизавета Боуз-Лайон (1900–2002) – супруга короля Георга VI (1895–1952; король с декабря 1936 года) и мать нынешней королевы Великобритании Елизаветы II (род. 1926).

⁴ Орден основан королем Эдуардом III в 1348 году во славу Господа Бога, Пресвятой Девы и святого мученика Георгия, покровителя Англии, с целью “соеди-

шего рыцарского ордена Британии, в который могло одновременно входить только двадцать четыре человека, включая монарха. Во все времена принадлежность к данному ордену, да и вообще к любому королевскому ордену была огромной честью. Память об этом с легкостью позволяла Уорфильдам мнить себя чуть ли не полубогами и всегда держаться выше остальных. На протяжении веков этот клан служил английской короне попеременно то в высших судебных инстанциях, то в казначействе.

Американская история Уорфильдов началась в далеком 1662 году, когда Ричард Уорфильд, покинув родной Беркшир, отправился на покорение новых заморских территорий. Там он стал владельцем обширных земель, уважаемым человеком и “джентльменом нового типа”. Он обосновался как раз в том месте, где впоследствии появился город Балтимор и штат Мэриленд. После смерти Ричарда его власть перешла шестерым сыновьям, которые в конце концов полностью узурпировали политику и финансы в этом регионе.

Во время Войны за независимость в США (1775–1783) Уорфильды были на стороне Джорджа Вашингтона, за что впоследствии получили еще больше прав на то, чтобы диктовать свои условия в штате. Именно тогда произошла монополизация ими банковской и юридической сферы Мэриленда. А Эдвин Уорфильд стал сорок пятым губернатором

нить некоторое число достойных лиц для совершения добрых дел и оживления военного духа”.

штата – с 1904 по 1908 год.

Что касается другого клана – Монтекки, – то они были гордыми, свободолюбивыми южанами, о которых знали почти в каждом крупном городе штата Виргиния, хотя корни их уходили в Британию. Мужчины были весельчаками и “своими ребятами” где бы ни появлялись, а их женщины славились блистательной красотой и силой воли. Но, несмотря на их жизненную позицию – не отчаиваться и не унывать ни при каких обстоятельствах, – нельзя сказать, чтобы они жили хорошо, поскольку постоянно ощущали чудовищную нехватку денег.

Как и Уорфильды, Монтекки тоже могли похвастаться знаменитыми предками, одним из которых был Саймон Монтекьют, который женился на девушке по имени Африка – дочери короля острова Мэн, расположенного в Ирландском море между Англией и Ирландией. После смерти короля Саймон стал его преемником и правил на острове более пятидесяти лет. В этой ветви также прослеживается связь и с английской аристократией в лице герцогов Манчестера и Кента.

В 1621 году, за сорок один год до того, как на берегах Нового света высадились Уорфильды, на его сушу ступил Питер Монтекки. Он приехал из Букингемшира и осел в штате Виргиния, находившемся под протекторатом английского короля Карла II. Как и многие другие королевские подданные, он стал землевладельцем, хотя и не таким крупным, как

Уорфильды; а позже женился на дочери губернатора Виргинии. Во время Войны за независимость Монтекки также воевали на стороне Вашингтона, о чем Уоллис потом напишет в своих мемуарах: *“Кроме политической солидарности и участия в одной коалиции во время войны, у Уорфильдов и Монтекки совершенно не было ничего общего”*.

И это действительно так. В отличие от бережливых и расчетливых Уорфильдов, Монтекки просто наслаждались жизнью и тратили деньги в свое удовольствие. Богемные привычки и чванливость со временем уходили в прошлое, делая представителей этого рода типичными американскими южанами. годы шли, состояние Монтекки таяло, а в XIX веке они уже столкнулись с нищетой. О них по-прежнему ходили легенды, но за душой у них теперь не было ни гроша.

Мать Уоллис – Элис Монтекки (1869–1929) – не отличалась особой красотой, в отличие от прочих ее родственниц, однако она обладала чрезвычайно острым умом, веселым нравом и бесконечной любовью к жизни. У нее было миловидное лицо, маленький вздернутый носик, сияющие светло-голубые глаза, мягкая улыбка, белая кожа и золотистые, густые, немного вьющиеся волосы. Как вспоминает Уоллис, ее мать была маленькой, хрупкой женщиной, у которой размер обуви не превышал 2,5 (32–33-й размер по российским меркам), что соответствовало длине средней мужской ладони. По характеру Элис была очень покладистой, тихой и миролюбивой, всегда молча выслушивала претензии в свой

адрес со стороны родственников мужа. Ей было проще уйти, сменить местожительство, лишь бы не идти на конфликт, даже если это затрагивало ее интересы.

Отец Уоллис – Тэкл Уоллис Уорфильд (1869–1896) – был худощавым, болезненного вида человеком с маленькими красными глазками, свидетельствовавшими о постоянном недосыпе, с модно уложенными воском узкими черными усиками, закрученными кверху, с кожей цвета старого пергамента и с ввалившимися щеками. В возрасте восемнадцати лет у Тэкла появились первые серьезные симптомы туберкулеза, но вместо того чтобы отправить его на несколько месяцев в дорогой санаторий, его старший брат Соломон, будучи его опекуном после скоропостижной кончины их отца двумя годами ранее, послал Тэкла учиться банковскому делу. И большую часть времени Тэкл был вынужден проводить в закрытом душном помещении, работая клерком в маленькой конторке, которая находилась в ведомстве банка его покойного отца. Все сыновья Генри Мактира к тому времени уже давно были на управляющих должностях в банке, кроме самого младшего и отстающего Тэкла.

Тэкл был исключением в клане Уорфильдов, где даже банальная простуда была большой редкостью. Как правило, Уорфильды были крепкими, хорошо сложенными, здоровыми мужчинами, славившимися как физической, так и моральной выносливостью. Поэтому болезнь Тэкла никто не воспринял всерьез – он должен был полностью посвятить се-

бя гораздо более полезным вещам, чем лечению от какой-то пустяковой болезни.

Несмотря на состояние здоровья и чувство постоянной слабости и своей неполноценности в глазах семьи, Тэклу удалось производить приятное впечатление на женщин. На момент его свадьбы с Элис Монтеки ему было двадцать пять лет. Она была безумно влюблена и не представляла себе жизни без этого человека, а он... умирал.

Скромная церемония бракосочетания, по словам Уоллис, проходила либо в Вашингтоне, либо в Балтиморе – она зачастую намеренно путала имена, даты и места в своих воспоминаниях, дабы максимально запутать следы своего происхождения. По факту ее родителей венчал преподобный отец Эрнест Смит в церкви Святого Михаила в Балтиморе. Кроме жениха, невесты и священника, больше никого не было, как не было и последующего традиционного медового месяца.

По одной из версий, влюбленные сбежали и венчались тайно. Конечно, это была совершенно не та идеальная свадьба, о которой мечтала двадцатичетырехлетняя Элис, – помещение не было украшено цветами, не было белого пышного платья, так же как не было и радостной органной музыки, зато рядом с ней был ее любимый мужчина, и, казалось бы, больше ей ничего не было нужно. На невесте было вечернее зеленое шелковое платье в пол, шляпка и перчатки в тон платью, в руках она держала букетик фиалок; жених был в сером костюме. Почти в гробовой тишине отец Смит свя-

зал этих двоих узами брака, и лишь глубокий кашель жениха прерывал слова священника.

Элис и Тэкл поженились 19 ноября 1895 года, хотя Уоллис до последнего будет утверждать в своих мемуарах, что это произошло в июне того же года.

Их семьи были настроены против брака из-за стремительно ухудшавшегося состояния здоровья Тэкла. Уорфильды понимали, что он физически не способен заработать достаточно денег, а самим содержать еще и его жену им совершенно не хотелось. Семья Элис – Монтекки – была еще более категорично настроена против брака, так как и сама находилась в плачевном финансовом положении и рассчитывала на то, что Элис найдет себе богача, который поможет им поправить дела. Однако двум семьям пришлось смириться и принять ситуацию как она есть, ведь Элис и Тэкл все равно поступили по-своему.

Уоллис сознательно изменила дату свадьбы в своих мемуарах, дабы не скомпрометировать собственных родителей, а главное – себя саму, так как родилась она менее чем через семь месяцев после их венчания. И в этом состоит ирония всей ее жизни – Уоллис станет ключевой фигурой самой скандальной свадьбы XX века, явившись, в свою очередь, плодом тайного и убогого бракосочетания.

Ни о браке между двумя знаменитыми семьями, ни о рождении первого общего наследника не было официально объявлено ни в одной газете, что должно было бы быть непре-

менным явлением при соединении столь известных кланов. В случае с самим бракосочетанием такое молчание объяснимо – церемония была тайной, да и никто бы не хотел, чтобы в обществе стало известно, что Элис была беременна до свадьбы, – это могло бы стать ужасным позором как для Уорфильдов, так и для Монтекки. Но то же самое произошло и с появлением Уоллис – это событие не только не афишировалось, но на ребенка даже не было выдано свидетельство о рождении, что впоследствии, во время бракоразводного процесса Уоллис со вторым мужем (Эрнестом Симпсоном), станет для нее огромной головной болью.

Уоллис появилась на свет 19 июня 1896 года в горном местечке Блю Ридж Саммит, штате Пенсильвания, куда ее родители приехали поправить здоровье Тэкла. Ее полное имя – Бесси Уоллис Уорфильд. Имя Бесси было дано ей в честь старшей сестры матери – Бесси Мэрримен (тетушки Бесси, как впоследствии любила называть ее Уоллис), а также ее двоюродной сестры Бесси Монтекки-Браун; Уоллис – в честь ее отца, который, в свою очередь, был назван в честь известного в Балтиморе писателя и юриста Северна Тэкла Уоллиса, являвшегося хорошим другом знаменитого дедушки Уоллис.

Двойные имена были нормой для тогдашней Америки, а южане и вовсе любили соединять их воедино, поэтому на протяжении всего детства нашу героиню часто называли Бессиуоллис. Ей никогда не нравилось имя Бесси, так как

она была убеждена в том, что этим именем зовут чуть ли не каждую американскую корову. Поэтому каждый раз, когда девочка появлялась в новом обществе, она представлялась не иначе как Уоллис.

С этой ее причудой согласились все родственники, за исключением бабушки, которая до последнего называла ее Бессиуоллис.

Но это не единственная версия появления Уоллис на свет. Достоверных сведений об этом нет, поскольку свидетельство о рождении либо было уничтожено позже, либо оно не существовало вовсе. По некоторым данным, приведенным рядом историков и биографов Уоллис, она родилась 19 июня 1895-го, а не 1896 года в Блю Ридж Саммит. Но туда молодые отправились не для поправки здоровья Тэкла, хотя и по этой причине тоже, а для того, чтобы скрыть беременность Элис подальше от чужих глаз и репортеров. Поездку спонсировали братья Тэкла с условием, чтобы Элис все время находилась в помещениях, где ее никто не смог бы увидеть. Это был бы страшный скандал, он мог бы опорочить репутацию всей семьи, и Уорфильды не хотели, чтобы информация просочилась в прессу. Тэкл, будучи больным туберкулезом, вообще не имел права быть в отношениях с женщинами, даже поцелуи были опасны для их здоровья, не говоря уже о более серьезных контактах. Но любовь преград не знает.

Роды у Элис принимал доктор Льюис Майлс Аллен, которому Соломон Уорфильд хорошо заплатил за молчание. От-

дельно существовал договор о том, что никаких документов на внебрачного ребенка заведено не будет. Роды были тяжелыми, и Элис почти все время плакала. Доктор не выдержал и сказал ей: *“Да что вы так переживаете? Девочка хорошая, сгодится даже для самого короля!”* Впоследствии, разумеется, он все отрицал, утверждая, что он сказал ей: *“Все хорошо, поплачьте... от этого вам только полегчает!”* Если бы он знал, насколько роковыми окажутся произнесенные им слова!

Придерживаясь данной версии происхождения Уоллис, ее родители поженились спустя семнадцать месяцев после ее рождения, что является еще худшим вариантом для ее репутации, чем если бы она была рождена спустя семь месяцев после их свадьбы, поскольку в этом случае ей уже никак не удалось бы доказать, что она родилась на два месяца раньше срока. Ко всему прочему Уоллис была еще и первой, кого не крестили, – она была плодом порочной связи ее родителей и не имела права принадлежать к лону церкви. Все три ее последующих венчания по религиозным канонам не могут считаться действительными, поскольку она изначально не была христианкой. Что же касается свадьбы ее родителей, Элис и Тэкла, то она проходила в крошечной церкви не потому, что молодые сделали это по-тихому от всех, а потому что семья Уорфильдов настояла, чтобы это было именно так – в позоре, неизвестности и тишине.

Существует еще одна невероятная теория о том, что ре-

бенок не был зарегистрирован, потому что оказался гермафродитом⁵, то есть имел как женские, так и мужские половые органы. Этим можно было бы объяснить некоторую грубоватость очертаний лица Уоллис и ее неспособность иметь детей. Однако ее личный врач Джин Тин, наблюдавший Уоллис до самой смерти (в 1986 году), заявил, что она была полноценной женщиной. А вот были ли вообще у нее дети или нет – тоже большой вопрос.

В те времена еще не было самолетов, телевидения, радио, кафе и прочих обыденных вещей, без которых мы уже не представляем себе жизнь. Это был конец XIX века, когда люди передвигались в основном с помощью лошадей, кораблей, паровозов, по воскресеньям обязательно ходили в церковь и жили по совершенно иным канонам, а население Северной Америки насчитывало не более семидесяти пяти миллионов человек. США тогда еще не были страной, чье название воспринималось как имя нарицательное – в XIX веке это было молодое и перспективное государство, в котором каждый мечтал найти свой золотой рудник и сделать состояние из воздуха.

Уоллис росла в большой любви то у одних, то у других родственников. Отца она не помнит, так как он умер от туберкулеза в семейном имении в Балтиморе (в доме своей матери на Престон-стрит, 34) менее чем через пять меся-

---

⁵ Так утверждал Михаил (Майкл) Блох, опытный юрист и один из биографов Уоллис, занимавшийся ее документами в 1980-х годах.

цев после ее рождения (согласно официальной версии). Уорфильдам ничего не оставалось, как взять маленькую Уоллис и Элис под свою опеку.

Накануне смерти Тэкл попросил сделать несколько снимков Уоллис, так как ему нельзя было находиться с ребенком в одной комнате из-за страшной болезни.

Долго рассматривая фотографии, он сказал жене: – *К сожалению, Элис, она скорее всего будет выглядеть как Уорфильды. Но я надеюсь, что у нее будет твой дух – дух Монтекки.*

Через несколько дней его не стало. Тэкл Уоллис Уорфильд умер 15 ноября 1896 года, всего за четыре дня до первой годовщины их свадьбы с Элис.

В воспитании Уоллис ни в чем не притесняли. Более того, ей была предоставлена возможность взять лучшее от обеих семей – выбрать, что было наиболее близким. Уоллис создавала себя сама с самого детства – сначала характер, затем имя. Со временем у нее выработалось и ее жизненное кредо, которое она пронесет через всю жизнь:

“Таких, как я, больше нет и не будет, поэтому воспринимайте меня именно такой, какая я есть, и только на моих условиях”.

С самого детства Уоллис отличалась свободолобием и непростым характером, что было нетипичным для скромных и сдержанных женщин конца XIX – начала XX века. Она была “новым дыханием”, как для Монтекки, так и для Уорфиль-

дов.

Девочка выбрала себе мужское, сильное и волевое имя Уоллис, которому должна была соответствовать всю жизнь. Кто знает, как сложилась бы ее судьба, если бы она оставила себе свое изначальное нежное и легкое имя Бесси. Психологи и астрологи считают, что судьба очень зависит от имени человека и от даты его рождения. Какое же будущее ждало тогда человека, носившего не свое имя и родившегося в неизвестное число?! Уоллис не любила постоянства и часто многое меняла не только в себе, но и вокруг, меняла она и собственную фамилию. Порой меняла все кардинально, за исключением своего искусственного имени, ставшего ее постоянной маской.

По натуре Уоллис была веселой, остроумной, любознательной девочкой. Однако образ, который она выбрала для себя, впоследствии оказался неожиданным не только для ее родственников, но и по большей части для нее самой. Она стала не только женщиной ради мужчин, роковой женщиной или даже женщиной-вамп, но самое главное – она стала женщиной с мужским именем и мужским характером. Вот и первое ее несоответствие – внутренний конфликт первозданной природы и личного выбора.

Маленькая Бессиуоллис много времени проводила в доме бабушки – одной из самых ярких представительниц благородного клана Уорфильдов. История этой семьи восходит к временам, когда на покорение Нового света отправлялись

лишь самые достойные и титулованные люди Англии, о чем бабушка не позволяла никому забывать ни на минуту. Ее дом скорее можно было назвать дворянским имением, нежели американским домиком в привычном смысле этого слова – все было добротным, подобранным с исключительным вкусом и, как это принято называть, классическим. Это был один из немногих американских домов, куда нельзя было войти, не имея хороших манер, достойного происхождения и белых перчаток, где каждое новое поколение воспитывалось в соответствии с традициями и этикетом.

Бабушка Уоллис – Анна Эмори Уорфильд (1830–1915) – была вдовой того самого знаменитого Генри Мактира Уорфильда, речь о котором шла ранее. У них было семеро детей: Дэниел (1851–1884), Энн Эмори (май – декабрь 1853), Ричард Эмори (1855–1924), Соломон Дэвис (близкий дядя Уоллис, опекавший ее вплоть до замужества, 1859–1927), Элизабет Мактир (1865–1866), Генри Мактир-младший (1867–1947) и Тэкл Уоллис (отец Бессиуоллис, 1869–1896). Все дети воспитывались по викторианским стандартам⁶. Поэтому в поведении даже маленькой Уоллис были черты, присущие самому высшему британскому обществу. Конечно, со временем исключительность династии Уорфильдов стерлась, и манеры уже были не столь изысканны-

---

⁶ Викторианские стандарты были порождением так называемой Викторианской эпохи – периода царствования королевы Виктории (1837–1901), характерными чертами которого являлись стабильность, процветание, развитие, консерватизм, высокие моральные ценности и строгие порядки.

ми, но тем не менее воспитание все еще считалось высокого уровня. И когда наступит решающий момент, Уоллис дополнительно возьмет несколько уроков у самых влиятельных дам британской элиты 30-х годов и приобретет британский акцент вместо американского. Очень любопытен следующий факт: после того как Уоллис начнет общаться с наследником, у него появится американский стиль разговора, перенятый, скорее всего, именно у Уоллис, а она станет почти англичанкой.

На основании вышесказанного становится очевидным, что родственные связи и исторические корни обеих семей способствовали появлению у Уоллис мании величия, а отсутствие средств – умению не очень церемониться при реализации желания их иметь.

2. Маленькая Бесси

После того как два американских клана англо-французского происхождения Уорфильды и Монтекки слились в лице Бессиуоллис, между ними начали возникать конфликты, взаимные претензии и даже соперничество. Несчастливая Уоллис постоянно попадала из огня да в полымя. Монтекки воспитывали ее таким образом, чтобы девочка ни в коем случае не была похожа на чопорных Уорфильдов, а те, в свою очередь, пугали ее, что если она будет плохо себя вести, то станет похожа на *“этих вульгарных Монтекки”*. А слово “вульгарность” в то время было равноценно ругательству. Даже само имя Бессиуоллис было двойственным: не только состоящим из двух имен – Бесси и Уоллис, – но и представлявшим собой две части разных семейств: имя Бесси было дано в честь представителей Монтекки, а Уоллис – в честь Уорфильдов. Сама же Уоллис причисляла себя, разумеется, больше к Уорфильдам, так как они были более уважаемыми, более влиятельными и более богатыми.

Несмотря на семейные разногласия, Бесси чувствовала себя прекрасно как в одной семье, так и в другой. Все ее очень любили и были ей рады, чем она пользовалась при каждой возможности и что со временем сделало ее совершенно избалованным ребенком.

После смерти мужа Элис Монтекки надеяться было не на

кого, и она фактически осталась одна с маленьким ребенком на руках. Монтекки мало чем могли ей помочь, и сердобольные Уорфильды, несмотря на весь свой цинизм и меркантильность, в конце концов не смогли остаться в стороне и приютили ее у себя.

Первые годы жизни Бессиуоллис провела у своей бабушки Анны Эмори Уорфильд в доме на Престон-стрит, 34, в Балтиморе, где у нее даже была няня-ирландка. Спустя много лет Уоллис написала в своих мемуарах, что из всех местожительств этот дом ей нравился больше всего – *“старый, но очень дорогой дом бабушки Эмори на Престон-стрит”*. Показательно, что Уоллис помнила не то, насколько этот дом был для нее теплым или гостеприимным, но каким он был роскошным. Человеческий фактор для нее никогда не играл особой роли – куда более важным для Уоллис, даже в детстве, было социальное положение и финансовое состояние.

Это было большое четырехэтажное здание из темно-красного кирпича, столь типичного для Балтимора, с кухней в полуподвальном помещении и изысканными белыми мраморными ступенями при входе. Уоллис считала, что этот дом, где она провела много счастливых дней, был первым ее сознательным воспоминанием детства. Помимо Бессиуоллис и Элис в доме жил один из сыновей бабушки Уорфильд, Соломон Дэвис Уорфильд, или дядя Сол, как его называла Уоллис. Он был холостяком и, не имея семьи, счел своим долгом возглавить эту небольшую семью, состоявшую из женщин, –

все-таки он был единственным мужчиной в доме. Ему было чуть больше тридцати лет, но он уже был преуспевающим банкиром и бизнесменом, имел солидное количество акций различных компаний.

Дядя Сол был первым мужчиной в жизни Уоллис, оказавшим на нее сильнейшее влияние, он стал ей не только другом, но и фактически отцом. Соломон был тихим, строгим, очень внимательным и отзывчивым человеком, обладавшим самыми изысканными манерами в семье Уорфильдов. По мере сил и возможностей он старался прививать племяннице вкус, следил за ее образованием и манерами. Но Уоллис он представлялся скорее как спонсор и попечитель, чем как советчик и воспитатель. Уоллис еще не раз будет обращаться к нему за помощью, особенно в кризисные периоды жизни, даже несмотря на то, что где-то в глубине души она всегда его немного боялась.

Бабушка Анна Эмори вызывала у Уоллис противоречивые чувства – с одной стороны, эта шестидесятилетняя женщина как будто собрала в себе самые строгие черты Уорфильдов, являя наивысший пример добродетели; но с другой стороны, иногда, в редкие минуты внимания к ребенку, она все же дарила нежность и теплоту, искусно скрываемые под завесой “правильных” манер.

Уоллис описала свою бабушку так: *“Это была высокая худая женщина с точеным лицом, тонкими чертами, прямой осанкой, высоко поднятой головой, столь характерной*

для аристократов, аккуратно уложенными в тугой пучок седыми волосами... прикрытыми черной шляпкой или вуалью, украшенной тремя черными бантами. Она всегда носила темные платья, воротнички которых глухо закрывали шею, – она все еще скорбела по мужу. В течение дня она неустанно хлопотала по дому, давая прислуге то одно, то другое задание, а вечера проводила за вышивкой в кресле-качалке, на спинку которого, сколько себя помню, она ни разу не оперлась”.

Девочке было невдомек, что происходило между ее матерью и бабушкой. Да и откуда ребенку было это знать? Уоллис любила бабушку и, после того как мать решила съехать, приезжала к ней чуть ли не каждый день, пока не пошла в школу.

Как и сама Анна Эмори Уорфильд, ее дом был олицетворением аристократии. Интерьер, отвечавший исключительно викторианскому стилю, был подобран с безупречным вкусом. Не исключено, что именно тогда Уоллис и успела привыкнуть к роскоши – бархатные подушки, серебряные приборы, шелковые гардины, предметы искусства, персидские ковры, огромные книжные шкафы до потолка, плотно уставленные редкими изданиями, и прочие изыски. У каждой спальни была своя туалетная комната с ванной, множество гардеробных и всяческих кладовых и подсобных помещений. Для Элис с ребенком были выделены две отдельные комнаты на третьем этаже – для матери спальня поболь-

ше, для ребенка соответственно поменьше. Несмотря на роскошь, Элис в этом доме все казалось неудобным: ей приходилось делить ванную комнату на втором этаже с требовательной Анной Эмори, потому что на третьем этаже ванной пользовался Соломон; множество лестниц и коридоров; но основным неудобством было соседство с холостым интересным мужчиной. Верхние этажи дома занимала прислуга.

Анна Эмори посвящала много времени воспитанию Уоллис. Вечера они часто проводили вместе. Бабушка, сидя в кресле-качалке, занималась рукоделием, а Уоллис, сидя у ее ног, послушно внимала бабушкиным рассказам и нравоучениям. В библиотеке стоял большой мягкий кожаный диван, сидя на котором Уоллис очень любила ерзать.

Анна Эмори каждый раз выходила из себя, заставляя Уоллис за этим занятием:

– Бессиуоллис! Как ты собираешься стать леди, если даже спину не можешь держать ровно?

И несколько минут спустя:

– Бессиуоллис! Ты можешь хотя бы минуту посидеть спокойно?

Вопрос был неуместен. В девочке кипела детская нереализованная энергия, и она не могла совладать с собой – она была веселой и озорной девчонкой, жизнь и здоровье которой били ключом. Бабушка же считала эту непоседливость неприятной наследственностью клана Монтеки.

Во время еды в роскошной столовой или традиционного

чаепития на английский манер главной темой для разговоров всегда была политика. Анна Эмори питала почти мужской интерес к государственным делам, а Соломон всегда был хорошо осведомлен, так как крутился в самых влиятельных кругах американского общества. Уоллис нравилось сидеть в уголке комнаты и слушать, как бабушка обсуждает с гостями последние политические новости, скандалы и сплетни. Эту бабушкину заинтересованность в политике и манеру вести дискуссию на любую светскую тему Уоллис хорошо усвоит и будет использовать уже сама много лет спустя.

Ко всему прочему Анна Эмори была очень религиозной, она придерживалась самых строгих протестантских доктрин. Поэтому маленькая Уоллис была обязана соблюдать еще и все религиозные семейные правила. Каждое воскресенье Бесси приходилось подолгу просиживать в церкви на службе, выполнять ритуалы и следовать традициям. Иногда по состоянию здоровья бабушка пропускала службы, но это не избавляло Уоллис от посещения церкви – более того, оно становилось для девочки просто обязательным, потому что по возвращении Анна Эмори требовала, чтобы Уоллис чуть ли не дословно пересказала содержание службы. Если она считала, что Бесси как-то неправильно передает смысл проповеди священника, то заставляла ее читать вслух Библию, всегда лежавшую на столе в библиотеке, с того места, где находилась бабушкина атласная фиолетовая закладка.

Помимо здравого смысла и некоторого цинизма у Анны

Эмори были и свои причуды. Например, она была глубоко убеждена, что если девушка хочет, чтобы мужчина женился на ней, то ни за что на свете не должна позволять ему целовать ей руки; или то, что ни при каких условиях нельзя выходить замуж за американца и т. п. Дальше пояснять свои утверждения бабушка не собиралась, а Уоллис безоговорочно принимала каждое ее слово за истину, и каждое новое наставление становилось для нее законом.

Такое же безосновательное и бескомпромиссное мнение у бабушки было относительно кофе:

– Никогда не пей эту дрянь! В противном случае у тебя пожелтеет кожа.

Уоллис ей верила и, как она сама утверждает, никогда не пила кофе – у нее не было повода ставить под сомнение слова бабушки.

В целом, несмотря на какие-то мелочи и непростой характер Анны Эмори, Уоллис была счастлива в доме на Престон-стрит – ее любили, всегда брали с собой, куда бы ее родственники ни отправлялись. Уоллис была любимицей в доме, чего нельзя сказать о ее матери, Элис, – молодой вдове без собственных средств к существованию, зависящей от снисхождения свекрови и брата покойного мужа, которые с самого начала были против ее брака с Тэклом Уорфильдом.

Анна Эмори, оставаясь всю жизнь вдовой в темных одеждах, не принимала того, что Элис по прошествии четырех лет со смерти мужа начала общаться с другими мужчинами

и вновь ходить на свидания. Бабушка Уорфильд уж никак не могла этого одобрить – она считала, что и для Элис вопрос замужества должен быть закрыт раз и навсегда, а такое фривольное поведение приписывалось дурной наследственности Монтекки. Со временем их противостояние усугубилось, и Элис ничего не оставалось, как съехать вместе с ребенком.

Анна Эмори была этому только рада, а Соломон, напротив, очень расстроился, так как за время, пока Элис жила в его доме, он успел в нее влюбиться.

Были ли отношения между ними, история умалчивает, но бабушка Уорфильд быстро поняла, в чем дело, и все решила за двоих – жениться на вдове покойного брата было бы для Соломона проявлением самого дурного вкуса. Кроме того, Анна Эмори была эгоистична и не хотела, чтобы и последний сын покинул ее. Она начала критиковать Элис буквально во всем, в каждой незначительной мелочи, и та, наконец, сдалась.

Когда Уоллис исполнилось четыре года, Элис приняла решение покинуть Уорфильдов, переехав в отель. Впрочем, там она тоже долго не задержалась. Бесси Лав Мэрримен (1864–1964; девичья фамилия – Монтекки), старшая сестра Элис, которая в дальнейшем будет упоминаться в книге как тетушка Бесси, сочла недопустимым, чтобы ребенок рос в замкнутом пространстве какого-то чудовищного отеля, лишенный общения с другими детьми. Будучи недавно овдовевшей, миссис Мэрримен, нисколько не колеблясь, пригла-

сила Элис переехать к ней в дом в 1901 году. Ей было скучно и одиноко без мужа, а своих детей у нее не было. Элис и Бессиуоллис переехали на Чейсон-стрит, где прожили чуть больше года.

Дом тетушки Бесси также был типичным балтиморским строением – трехэтажное здание из серого кирпича, на первом этаже которого располагалась кухня и столовая, на втором – две спальные комнаты, а на третьем, как и у многих тогдашних обеспеченных американских семей, – прислуга.

Но и здесь Уоллис было одиноко. Супруг Бесси Мэрримен, Дэвид Баканан Мэрримен (или дядя Бак, как его называла Уоллис; 1856–1900), умер за год до их переезда к ним. Раньше он часто играл с ребенком и брал с собой, когда отправлялся по делам или просто на прогулку. В отличие от других, он общался с Уоллис на равных, рассказывая ей обо всем на свете. Даже когда ему хотелось, как он выражался, немного промочить горло, он брал малышку с собой в бар, куда Уоллис шла с удовольствием, ведь там был большой говорящий попугай, рядом с которым время летело незаметно. Но на момент появления Элис и Уоллис в доме Мэррименов дяди Бака уже не было в живых, и развлекать ребенка больше было некому. Конечно, тетушка Бесси и Элис уделяли девочке много времени и внимания, но это были взрослые люди, а Уоллис так хотелось иметь друга.

Несмотря на более спокойную обстановку в доме сестры, свободолюбивая Элис все еще мучилась от бесконечных

ограничений и финансовой зависимости от родственников покойного мужа, так как сестра ей материально помочь не могла, а подачки Уорфильдов, как и прежде, были нерегулярными.

Через некоторое время Элис все же решила стать независимой и начать зарабатывать деньги сама, сняв небольшую квартиру только для себя и дочери. Маленькая Уоллис страдала от частой смены места жительства – ей хотелось остаться в каком-то одном месте, завести друзей, жить в привычной обстановке, зная, что завтра им никуда не придется переезжать. Ребенку каждый раз было тяжело привыкать к новым условиям.

Элис и Уоллис переехали в отель “Брэкстон”. Это был маленький, тихий семейный отель, или скорее пансионат, в котором Элис сняла номер-квартиру с двумя комнатами. Их жизнь стала обыденной, потеряла роскошь, стала довольно прозаичной. Дни, похожие один на другой, медленно тянулись, не предвещая ничего хорошего. Мать проводила почти все время с Бесси, внося разнообразие в жизнь ребенка лишь походами на Престон-стрит к бабушке. Уоллис скучала по дому, ей было одиноко, конечно, насколько это было возможно в столь раннем возрасте – ведь ей тогда было не больше пяти лет.

В конце XIX века найти работу женщине было невероятно сложно – во-первых, из-за дискриминации по половому признаку, а во-вторых, потому что женщины редко получа-

ли какое-либо специальное образование. Единственное, что мать Уоллис умела хорошо делать, это шить и готовить. Пока Уоллис не пошла в школу, вся ее одежда была сшита Элис, да и потом, когда девочке нужно было что-то подогнать по фигуре, мать с удовольствием этим занималась. Ей очень хотелось, чтобы ее ребенок был похож на красивую, чистенькую, опрятную куколку, и делала все возможное, чтобы это было именно так.

Элис решила использовать свой навык для заработка и начала шить детские вещи на заказ. Большого дохода это не принесло – заказов было не так много, да и оплачивался труд невысоко. Все это время маленькая семья жила на деньги дяди Сола, которые он каждый месяц переводил на банковский счет Элис. Однако это не решало всех ее проблем, так как выделяемая сумма каждый раз была разной, и Элис то могла позволить себе шиковать, то с трудом сводила концы с концами.

В 1902 году Бессиуоллис исполнилось шесть лет и она пошла в школу мисс Ады О’Доннел, хотя это заведение больше походило на дошкольное учебное заведение или даже на детский сад. Школа располагалась в доме мисс О’Доннел на Элиот-стрит, 2812. Учеников у нее было довольно много – около тридцати мальчиков и девочек с соседних улиц Кальверт, Святого Павла и Чарльз-стрит. Мисс О’Доннел учила детей читать, писать, а также рассказывала им историю Великобритании, а на следующий день задавала вопросы по

изученному материалу, чтобы проверить, как дети усвоили урок. Во время одного из занятий по истории учительница спросила у класса, кто был одним из самых известных участников Порохового заговора в Англии⁷, Уоллис знала ответ и гордо подняла руку, но один мальчик выкрикнул ответ прямо с места. Уоллис была одновременно так расстроена, рассержена и раздражена, что, несмотря на присутствующих, подошла к мальчику и сильно стукнула его по голове коробкой из-под карандашей. Уоллис не терпела конкуренции не только в зрелом возрасте, но и в детстве.

В то время как Бессиуоллис была увлечена учебой и новым для нее детским обществом, Элис вновь решила переехать. На сей раз она сняла небольшую квартирку для среднего класса, не бог весть что, но уже куда лучше, чем отель “Брэкстон”. Место было удобно тем, что находилось неподалеку от дома бабушки Анны Эмори, которая в случае крайней нужды всегда могла помочь.

Шитьем Элис зарабатывала ничтожно мало, поэтому она решила попробовать в деле другой свой дар – умение хорошо готовить. Она стряпала прямо у себя в квартире и приглаша-

---

⁷ Это был Гай Фокс (1570–1606). Несмотря на то, что этот человек не был лидером или главным заговорщиком, именно ему было поручено зажечь фитиль, ведущий к наполненному порохом подвалу английского парламента. Пороховой заговор 1605 года – попытка группы английских католиков взорвать Палату лордов во время тронной речи короля с целью уничтожения Якова I, предпринявшего ряд репрессий в отношении католиков. Заговор был раскрыт, а все участники арестованы и приговорены судом к повешению, потрошению и четвертованию.

ла всех жильцов своего и соседних домов на обед или ужин, и они платили ей за каждое отдельное блюдо, как в ресторане. На каждую трапезу она могла принять у себя до десяти человек, что в конечном итоге начало приносить неплохие деньги.

Уоллис тоже не сидела без дела – ей нравилось помогать маме на кухне. Девочка даже научилась готовить кое-какие легкие блюда, например ореховый пирог, от запаха которого у присутствующих начинало подсасывать под ложечкой. В маленьком белом фартучке, с тугим пучком черных волос, она суежилась на кухне, гордясь тем, что тоже может что-то делать самостоятельно.

В какой-то момент дела пошли так хорошо, что Элис смогла нанять в помощники негра, которому платила скромное жалованье. Ее мастерство готовить значительно выросло, а в меню появились стейки, свежие фрукты, ягоды и даже морепродукты. Блюда становились все изысканней, а цена оставалась прежней. Спустя некоторое время она увеличила и количество возможных посетителей, устраивая даже свадебные банкеты.

Однако то, что это был убыточный бизнес, Элис поняла слишком поздно, когда начали приходить счета, оплатить которые она была не в состоянии. Она никогда не показывала чеки Соломону, пытаясь справиться с трудностями сама. Но на этот раз это ей не удалось – она была неспособна вести дело самостоятельно, и тогда вмешалась ее сестра Бесси Мэр-

римен, которая взяла на себя общение с продавцами.

Так протекала жизнь маленькой Уоллис и вдовствующей Элис. Ни одна, ни другая не были усидчивыми или покладистыми людьми – Бессиуоллис в силу детскости и непосредственности, а Элис – в силу характера и семейных особенностей клана весельчаков Монтекки. Они обе постоянно искали приключений, находя способы самовыражения в самых разнообразных вещах. Мать и дочь могли резко увлечься чем-то, а как только у них начинало это получаться, могли бросить и заняться совершенно другим. Такова была их сущность – непрекращающийся поиск чего-то лучшего.

3. Школа юных невест

В возрасте десяти лет в 1906 году Уоллис отдали в школу для девочек “Арундель”, которая находилась на Сейнт-Паул-стрит, 714, недалеко от дома бабушки, в котором она снова стала довольно часто оставаться на ночь. Не сказать, чтобы это было модное или дорогое образовательное заведение. Оно было создано специально для дочерей богачей и девочек из семей среднего класса с благородным происхождением. Как и все прочие ученицы школы, Уоллис первым делом изучила биографию знаменитой жительницы Балтимора Элизабет (Бетси) Паттерсон Бонапарт (1785–1879), первой жены Жерома Бонапарта (1784–1860), младшего брата Наполеона I Бонапарта и короля Вестфалии⁸, временно скрывшегося в Балтиморе. Элизабет родила Жерому сына, однако так и не стала ни принцессой, ни королевой, поскольку их брак продлился всего два года – с 1803 по 1805 год⁹ – и был аннулирован Наполеоном Бонапартом с требованием возвращения

---

⁸ Вестфалия – историческая область на северо-западе Германии. (В настоящее время вместе с бывшей землей Липпе образует восточную часть земли Северный Рейн-Вестфалия и включает в себя округа Арнсберг, Детмольд и Мюнстер.) Королевство Вестфалия существовало с 1807 по 1813 год. После разгрома Наполеона в 1815 году Вестфалия вошла в состав Пруссии.

⁹ Вторая супруга Жерома Бонапарта (с 1807 по 1835 год) – Екатерина Вюртембергская (1783–1835), родила двух сыновей и дочь; третья супруга (с 1853 по 1860 год) – Юстина Пекори-Суарес (1811–1903).

брата во Францию. Элизабет попыталась последовать за любимым, но, кроме солидных алиментов, ничего не добила, проведя остаток жизни в изгнании в Париже. Уоллис была потрясена этой историей и, как все прочие девочки, грезил о том, что у нее тоже когда-нибудь будет свой принц.

Как в детские годы, так и в зрелом возрасте Уоллис имела сложный характер и не упускала случая его продемонстрировать. Одноклассники Уоллис порой бывали излишне жестоки и смеялись над теми вещами, которых она сама страшно стыдилась. Например, над ее матерью, которая зарабатывала на жизнь, пуская посетителей в свою квартиру-ресторан. Но Уоллис не давала себя в обиду – как только школьники начинали подтрунивать над ней, она больно пинала их своими тяжелыми туфлями, и смех сразу прекращался.

В школе “Арундель” было несколько учителей. Старшим преподавателем, а также директором школы была миссис Кэррол. Для Уоллис эта женщина не была авторитетом. Зачастую Уоллис даже не обращала внимания на ее слова или замечания, из-за чего очень быстро заработала репутацию наглой, высокомерной и заносчивой девчонки. Более того, Уоллис позволяла себе использовать грубые и даже нецензурные слова в адрес учителей, что вводило их в полное оцепенение. Они просто не могли с ней совладать, но и выгнать не могли, так как неспособность укротить десятилетнюю хулиганку могла навредить репутации всей школы.

Несмотря на наказания и шлепки от матери и учителей,

Уоллис всегда сохраняла чувство гордости, независимости и вела себя нахально. Впрочем, если опустить подробности ее взаимоотношений с окружающими, Уоллис была одной из лучших учениц в классе по осведомленности, подготовленности, эрудированности и интеллекту. Эта девочка всегда относилась ко всему очень серьезно, будь то работа на кухне, вышивание, игра в баскетбол или чтение книг.

В десять лет она уже перестала быть очаровательной малышкой и вошла в подростковую стадию “гадкого утенка”. Несмотря на то, что Уоллис никогда не отличалась красотой или хоть какой-то миловидностью, она всегда могла привлечь к себе внимание. Если ее долго игнорировали или взрослым попросту было не до нее, она начинала разыгрывать мини-спектакли “одного актера”: падать в обмороки, закатывать истерики или изображать страшную головную боль, в конце концов добиваясь своего.

Несмотря на внешность и поведение, она все равно была самой популярной девочкой в классе, а родственники ее и вовсе обожали. В ней всегда присутствовала неиссякаемая тяга к жизни, поиск чего-то лучшего. Уоллис фонтанировала энтузиазмом, идеями, фантазией и очарованием. Имея угловатую фигуру, довольно грубые мальчишеские плечи, жесткие черные волосы, острый подбородок и маленькие глазки, она сильно отличалась от остальных девочек – Уоллис была особенной. Чаще Бессиуоллис бывала угрюмой и закрытой из-за боязни, что за спиной все только и делают, что обсуж-

дают ее. Поэтому она старалась как могла: если учитель задавал какой-то вопрос, рука Уоллис почти всегда с нетерпением поднималась первой, ее карандаши были остро наточены, тетради были чистыми и аккуратными, одежда – выглаженной и опрятной. Она даже яблоки никогда не брала с собой – не дай бог ее кто-то увидит с недоеденным или просто надкушенным фруктом, *“это же неэстетично!”*.

Как бы то ни было, много лет спустя учителя и одноклассники будут отзываться об Уоллис по-доброму – они запомнят ее милой, аккуратной девочкой, которая всегда все делала правильно, после занятий играла с подругами в куклы, прыгала через веревочку, дома всегда оказывалась вовремя и держала письменный стол, за которым делала уроки, в идеальном порядке и чистоте.

В школе “Арундель” учились девочки из богатых семей, и Уоллис было очень сложно соответствовать их уровню, ведь ее мать была бедна, пока не вышла замуж во второй раз. Однажды Уоллис заметила, что все девочки носят белые или голубые юбочки в складку и белую блузу с морским воротничком. Конечно, ей тоже захотелось иметь такой костюм, о чем она рассказала матери.

К сожалению, они не могли себе позволить покупать одежду в дорогих бутиках. Несмотря на это, через некоторое время Уоллис тоже начала дефилировать по школе с высоко поднятой головой в новеньком светло-голубом костюме с морским воротничком. и лишь самые близкие подруги зна-

ли, что эта одежда была сшита ее матерью по образцу дизайнерских нарядов.

Дядя Сол любил девочку и всячески старался ей помочь. Зная о ее слабых способностях к математике, он каждое воскресенье устраивал увлекательные математические игры во время обеда или ужина, задавая вопросы на смекалку, на которые Уоллис всегда очень живо реагировала, хотя и не всегда отвечала правильно. В один из таких вечеров Уоллис решила опередить дядю. Она встала из-за стола, выпрямилась в полный рост и продекламировала: *“Квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов катетов”*. Дядя от удивления и неожиданности с грохотом выронил нож, которым в это время резал мясо, напрочь забыв о приготовленных хитроумных вопросах. Уоллис была в восторге от произведенного эффекта. К слову, именно дядя Солломон оплачивал обучение Уоллис, поэтому она была обязана ежемесячно отчитываться перед ним о том, что выучила и какие отметки получила. Он обещал ей, что если она будет послушной, прилежной ученицей, то на последние годы обучения он отправит ее в самую престижную школу штата Мэриленд, “Олдфильдс”, основанную в 1867 году Дунканом Маккаллохом и занимавшую здание старинного большого особняка. Об этой школе мечтали все одноклассницы Уоллис.

В это время тридцатисемилетняя и все еще привлекательная Элис Монтеки начала всерьез задумываться о втором

браке, тем более что у нее на тот момент уже были постоянные отношения с Джоном Фрименом Рэйсином (1869–1913), старшим сыном главы Демократической партии Балтимора, Кэррола Рэйсина. Джон был вежливый, образованный, добрый и очень богатый человек. а для Элис было самым главным то, что он, в отличие от ее первого мужа, был пока еще физически здоров, хотя и злоупотреблял курением и алкоголем.

Джон Рэйсин был добряком и часто баловал Уоллис всякими подарками, в том числе он подарил ей ее первую собаку – французского бульдога по кличке Булли. Уоллис вспоминает, что *“мистер Рэйсин, – так она его всегда называла, – обладал хорошим чувством юмора и очень заразительным смехом; он мне нравился... пока мама не сказала, что собирается выйти за него замуж”*.

Стремление Элис выйти замуж вполне понятно и объяснимо: во-первых, она была настоящей женщиной и не могла долго обходиться без мужского внимания, а во-вторых, брак с Рэйсином значительно улучшил бы ее финансовое положение и дал бы возможность стать независимой от влиятельных и богатых родственников. Но Уоллис не разделяла намерений матери – ей казалось, что этот мужчина хочет отнять у нее маму, лишив ее самого близкого и родного друга.

Несмотря на комфорт и большой дом на Биддл-стрит, 212, который Джон предоставил им в распоряжение, Уоллис не хотела делить с ним Элис, которая многие годы принадлежа-

ла только ей. Уоллис устраивала истерики, убегала из дома и всячески пыталась отговорить мать от брака.

Свадьба все же состоялась. 20 июня 1908 года Элис вышла замуж во второй раз, став миссис Рэйсин¹⁰. Уоллис присутствовала на церемонии, но в какой-то момент ей стало так грустно, что она незаметно проскользнула в соседнюю комнату, где был накрыт большой праздничный обед. На столе стоял красивый свадебный торт, украшенный множеством пожеланий удачи и счастья. Это настолько взбесило Уоллис, что она прямо руками начала отдирать от торта все эти ненавистные ей украшения и делить торт как ей вздумается. Вдруг двери распахнулись, и в комнату вошли новобрачные, а за ними и все гости. Уоллис оказалась застигнутой врасплох. Возникла неловкая пауза, и лишь Джон Рэйсин не растерялся – он громко заливисто рассмеялся, подошел к Уоллис и закружил ее в своих объятиях. Она была прощена. С этого момента их отношения изменились, и они подружились. И все же Уоллис не стала называть Джона отцом. Она обращалась к нему не иначе как мистер Рэйсин.

Вообще же Уоллис из-за всего этого сильно переживала, но сделать ничего не могла. В конце концов она смирилась.

Жизнь Элис и Уоллис постепенно стабилизировалась. У Элис теперь было достаточно денег, чтобы не работать и

---

¹⁰ Однако их брак долго не продлился – Джон Рэйсин умер в 1913 году. Третьим мужем Элис с 1926 года до ее смерти в 1929 году был Чарльз Гордон Аллен (18...–1931).

заниматься приятными для женщины делами: она обставила дом новой мебелью, приобрела в том числе большой рояль, на котором учительница музыки миссис Джексон теперь учила Уоллис играть. Но та терпеть не могла эти занятия, поскольку не обладала хорошим слухом, а костлявые пальцы и вовсе ее не слушались. Мучения продолжались до тех пор, пока Элис не заставила Уоллис сыграть перед гостями. Когда та закончила, гости ради приличия, конечно, похлопали, но это был неоспоримый и полный провал. После этого любые занятия музыкой для девочки прекратились.

В 1911 году Уоллис закончила школу “Арундель”. По сути, на этом ее образование можно было бы и окончить, если бы не ее происхождение и новое социальное положение в связи с выходом ее матери замуж за богача.

Дядя Сол сдержал свое слово и в 1912 году, когда Уоллис исполнилось шестнадцать, отправил ее в знаменитую школу “Олдфильдс”. Это заведение находилось в сорока километрах от центра Балтимора, в местечке Пот Спринг, где Уоллис вместе с другими своими кузенами с большим удовольствием проводила летние каникулы. Школа занимала огромную территорию, которая славилась природными красотами. По дороге к школе курсировали прекрасные повозки, запряженные белоснежными лошадьми, которые возили учеников на станцию Гленс. Школа располагалась среди роскошных имений представителей зажиточного сословия, великолепных конюшен, светлых особняков богачей и огромных план-

таций, на которых некогда трудились сотни чернокожих рабов.

Школой управляла шестидесятидвухлетняя Анна Маккаллох, которую ученики называли миссис Нан. Под ее руководством, а также под влиянием учительницы Шарлотты Ноланд, которая являлась для Уоллис эталоном женской привлекательности и харизмы, юная Бессиуоллис стала лидером баскетбольной команды девочек под названием “Мягкость”; любопытно, что команда противников называлась “Вежливость”. Именно эти качества – мягкость и вежливость¹¹

---

¹¹ *Gentleness and courtesy* (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.